

М.Ю. Осипов

ВОПРОСЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ И ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ В СВЕТЕ ТРЕБОВАНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Проблема оценки доказательств в уголовном процессе – это одна из актуальных проблем уголовно-процессуального права. В предлагаемой читателю статье рассмотрены основные аспекты и требования норм конституционного и международного права, касающиеся оценки доказательств в уголовном процессе. Предложен ряд мер по совершенствованию уголовно-процессуального доказывания в данной сфере.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, уголовный процесс, требования, конституционное право, международное право, Конституционный Суд РФ, Европейский суд по правам человека.

Одной из актуальных проблем, стоящих перед современным уголовно-процессуальным правом России, является проблема оценки доказательств. Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что именно от того, насколько правильно будет проведена оценка доказательств, будет зависеть в конечном итоге судьба лица, подвергающегося уголовному преследованию.

Об этой проблеме написано немало работ [1–4]. Однако вопросы, связанные с оценкой доказательств в уголовном процессе, и проблемы, связанные с этим, остаются нерешенными.

Не имея возможности остановиться на всех проблемах, связанных с оценкой доказательств в уголовном процессе, остановимся на таком аспекте как соблюдение норм конституционного и международного права при осуществлении процедуры оценки доказательств в уголовном процессе.

Согласно ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса РФ, «Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела. В случаях, указанных в ч. 2 ст. 75 настоящего Кодекса, суд, прокурор, следователь, дознаватель признает доказательство недопустимым».

Согласно ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса РФ, «Доказательства, полученные с нарушением требований уголовно-процессуального кодекса РФ, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 настоящего Кодекса РФ».

При этом ч. 2 ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса особо подчеркивает, что к недопустимым доказательствам относятся:

1) показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде;

2) показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также по-

казания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности;

3) иные доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса.

Таким образом, Уголовно-процессуальный кодекс РФ называет три случая, когда доказательства признаются недопустимыми.

1. Когда допрос обвиняемого или подозреваемого ведется в отсутствие защитника, в том числе в тех случаях, когда подозреваемый или обвиняемый отказался от защитника, а затем их не подтвердил в суде.

2. Показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности.

3. Иные доказательства, полученные с нарушением Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Каким же образом осуществляется оценка доказательств согласно нормам Уголовно-процессуального кодекса РФ?

Согласно правилам, закрепленным в УПК РФ, «Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела».

Согласно ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса РФ, «Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы».

Тогда возникает интересный вопрос о так называемых преюдициях в уголовном процессе. Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 21.12.2011 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко» указал на ряд условий применения уголовно-процессуальной преюдиции [5].

Он признал положения ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса не противоречащими Конститу-

ции РФ в той мере, в какой по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования эти положения означают, что:

- имеющими преюдициальное значение для суда, прокурора, следователя, дознавателя по находящемуся в их производстве уголовному делу являются фактические обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом, разрешившим дело по существу в порядке гражданского судопроизводства, т.е. когда в уголовном судопроизводстве рассматривается вопрос о правах и обязанностях того лица, правовое положение которого уже определено ранее вынесенным судебным актом;

- фактические обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом, разрешившим дело по существу в порядке гражданского судопроизводства, сами по себе не определяют выводы суда о виновности обвиняемого по уголовному делу, которая устанавливается на основе всей совокупности доказательств, включая не исследованные при разбирательстве гражданского дела доказательства, подлежащие рассмотрению в установленных уголовно-процессуальным законом процедурах, что в дальнейшем может повлечь пересмотр гражданского дела по вновь открывшимся обстоятельствам;

- признание при рассмотрении уголовного дела преюдициального значения фактических обстоятельств, установленных вступившим в законную силу судебным актом, разрешившим дело по существу в порядке гражданского судопроизводства, не может препятствовать рассмотрению уголовного дела на основе принципа презумпции невиновности лица, обвиняемого в совершении преступления, которая может быть опровергнута только посредством процедур, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, и только в рамках уголовного судопроизводства;

- фактические обстоятельства, не являвшиеся основанием для разрешения дела по существу в порядке гражданского судопроизводства, при наличии в них признаков состава преступления против правосудия, подлежат проверке на всех стадиях уголовного судопроизводства, включая возбуждение и расследование уголовного дела, в том числе на основе доказательств, не исследованных ранее судом в гражданском или арбитражном процессе» [5].

В обосновании своего решения Конституционный Суд РФ указал на то, что «принятые в порядке гражданского судопроизводства и вступившие в законную силу решения судов по гражданским делам не могут рассматриваться как предпрещающие выводы суда при осуществлении уголовного судопроизводства о том, содержит ли деяние признаки преступления, а также о виновности обвиняемого, которые должны основываться на всей совокупности доказательств по уголовному делу, в том числе на не исследованных ранее при разбирательстве гражданского дела данных, указывающих на подлог или

фальсификацию доказательств, – такого рода доказательства исследуются в процедурах, установленных уголовно-процессуальным законом, и могут в дальнейшем повлечь пересмотр гражданского дела.

Обстоятельства фальсификации доказательств как уголовно наказуемого деяния не составляют предмета доказывания по гражданскому делу. Данные фактические обстоятельства выходят за рамки объективных пределов законной силы судебного решения, вынесенного в гражданском судопроизводстве, и составляют предмет доказывания по уголовному делу, возбужденному по признакам соответствующего преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации» [6].

При этом, как указал Конституционный Суд РФ, «в качестве единого способа опровержения (преодоления) преюдиции во всех видах судопроизводства должен признаваться пересмотр судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, к числу оснований которого относится установление приговором суда совершенных при рассмотрении ранее оконченного дела преступлений против правосудия, включая фальсификацию доказательств» [5].

В процессе оценки доказательств в ходе уголовного судопроизводства возникает вопрос о пределах доказывания в уголовном процессе.

Согласно положениям ст. 49 Конституции РФ, «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». При этом обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность.

Конституционный Суд РФ указал, что для вынесения обвинительного приговора должна быть полностью опровергнута презумпция невиновности, то есть у суда и других участников процесса не должно оставаться никаких сомнений в том, что обвиняемый в совершении преступления невиновен, поскольку в силу ст. 14 Уголовно процессуального кодекса РФ «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях».

Это означает только одно, что совокупность доказательств, представленных обвинением, должна быть такой, которая однозначно бы свидетельствовала о виновности обвиняемого в совершении того преступления, в котором его обвиняют, то есть должно быть опровергнуто предположение о том, что обвиняемый не совершал данного преступления, а собранные против него доказательства, свидетельствующие якобы против него, являются ошибочными.

Покажем это на конкретном примере. Допустим, некий гражданин обвиняется в мирное время в убийстве других граждан по мотиву политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

При этом для того, чтобы признать виновным этого человека в убийстве, необходимо доказать:

а) что именно его действия привели к лишению жизни данного человека, а ни чьи-либо иные действия; б) что лицо, совершая указанные действия, осознавало тот факт, что его действия могут привести или приведут к смерти данных граждан и желало причинения этим людям смерти только потому, что они принадлежали к определенной расе, национальности либо социальной группе, исповедовали ту или иную религию либо не исповедовали никакой, либо являлись носителями определенных политических или идеологических взглядов; в) что именно данное лицо совершило указанные действия, а никакое иное лицо.

Если данное деяние совершается в ходе вооруженного конфликта, то в таком случае для признания военнослужащего виновным в совершении данного преступления необходимо, на наш взгляд, такой совокупности доказательств, которая однозначно подтверждает наличие следующих обстоятельств:

а) действия военнослужащего были направлены на лишение жизни лиц (лица), которые непосредственно не принимают участие в боевых действиях либо прекратили такое участие;

б) военнослужащий осознавал, что он лишает жизни лиц, которые непосредственно не принимают участие в боевых действиях либо прекратили такое участие, то есть военнослужащий видит, что он нападает на лиц с целью их ликвидации, которые не принимают непосредственного участия в боевых действиях либо прекратили принимать участие в боевых действиях, и тем не менее продолжает свое нападение, лишая их жизни;

в) эти действия совершил именно данный военнослужащий, а никакое иное лицо;

г) смерть указанных лиц наступила как непосредственный результат действий военнослужащего, а не косвенной причиной их гибели.

Например, если лица, непосредственно не принимающие участия в боевых действиях, прибывают на военный объект, который может быть, согласно нормам международного гуманитарного права, объектом военного нападения, не уведомляя об этом противника, то в случае гибели указанных лиц военнослужащие атакующей стороны, по нашему мнению, не должны нести за это ответственность, поскольку они по обстоятельствам дела не знали

или не должны были знать о том, что их действия направлены в том числе против лиц, не принимающих непосредственное участие в боевых действиях.

При этом квалификация умышленных деяний, связанных с гибелью мирного населения, а также лиц, прекративших принимать участие в боевых действиях, должна осуществляться на территории РФ в соответствии со ст. 356 Уголовного кодекса РФ, а не по какой-либо иной статье, поскольку данные деяния нарушают положения норм международного гуманитарного права, касающихся защиты мирного населения и военнопленных во время вооруженного конфликта, и представляют собой средства и методы ведения войны, которые запрещены международным договором Российской Федерации [7].

Кроме того, нормы международного права дают обвиняемому следующие права по предоставлению доказательств:

а) право допроса показывающих против него свидетелей;

б) право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него [8].

К сожалению, нормы ст. 47 Уголовно-процессуального кодекса РФ не наделяют обвиняемого правом допрашивать показывающих против него свидетелей, а также право требовать вызова свидетелей, которые могут свидетельствовать в его пользу, что, по нашему мнению, противоречит положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Для исправления данной ситуации предлагается дополнить ст.ст. 46–47 Уголовно-процессуального кодекса, наделив подозреваемого или обвиняемого правом допроса показывающих против него свидетелей, а также правом на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него [8].

В заключение необходимо отметить, что соблюдение норм международного и конституционного права, касающихся оценки доказательств, позволит повысить в конечном итоге эффективность уголовного судопроизводства, а также обеспечить защиту прав и законных интересов всех его участников, как того требует ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хахулин С.В. Актуальные проблемы теории и практики оценки доказательств // Российский следователь. 2014. № 12. С. 3–5.
2. Бозров В.М., Костовская Н.В. Некоторые проблемные вопросы оценки доказательств судом // Мировой судья. 2012. № 11. С. 13–22; № 12. С. 26–32.
3. Галяшин Н.В. Проблемы правового регулирования и оценки производных доказательств в аспекте перспективы введения в уголовный процесс института установления объективной истины // Адвокатская практика. 2015. № 1. С. 30–33.
4. Трубникова Т.В. Обращение томичей в Европейский суд по правам человека: опыт и проблемы // Уголовная юстиция. 2015. № 1. С. 64–69.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко» // Собрание законодательства РФ. 09.01.2012. № 2. Ст. 398.

6. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.
7. *Дополнительный протокол к женеvским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (протокол II)* (Женева, 8 июня 1977 года) // Консультант Плюс (Электронный ресурс): Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
8. «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3.

PROVISION AND EVALUATION OF EVIDENCE IN A CRIMINAL PROCEDURE IN THE LIGHT OF THE REQUIREMENTS OF THE CONSTITUTIONAL AND INTERNATIONAL LAW

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 1(7), 74–77. DOI 10.17223/23088451/7/11

Osipov Mikhail Yu., Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian Police Association (Tula, Russian Federation, Russian Federation). E-mail: osipov11789@yandex.ru

Keywords: evidence, proof, criminal procedure, requirements, constitutional law, international law, Constitutional Court, European Court of Human Rights.

The problem of evaluation of evidence in a criminal procedure is one of the urgent problems of the criminal procedure law. The urgency of this problem stems from the fact that the ultimate fate of the person being prosecuted depends on how well the evidence is evaluated. In the present article the basic aspects of the requirements and standards of constitutional and international law relating to the evaluation of evidence in a criminal procedure are addressed. The analysis of the evidence evaluation rules stipulated by the norms of the criminal procedure law in terms of the norms of constitutional and international law. The possibility of using prejudice in a criminal procedure is considered based on the analysis of the Constitutional Court rulings.

It is concluded that prejudice in a criminal procedure may only concern a fact established by a legally effective court decision and may not prejudice the question of whether the act has signs of a crime, or whether the accused is guilty, which should be based on the totality of evidence in a criminal procedure. This totality includes data, previously unstudied in a civil procedure, indicating forgery or falsification of evidence – this kind of evidence is investigated in the procedures established by the criminal procedure law, and may in the future lead to a revision of a civil case. Further, the article discusses the limits of evidence in a criminal procedure; their close link with the problem of evaluation of evidence is stated.

It is shown that the accused may be convicted only if the totality of the evidence collected in a case clearly and completely refutes the presumption of innocence, i.e. the assumption that the accused did not commit this crime and evidence collected against them, allegedly testifying against them, is wrong.

REFERENCES

1. Khakhulin, S.V. (2014) Topical issues of theory and practice of evaluation of evidence. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 12. pp. 3-5. (In Russian).
2. Bozrov, V.M. & Kostovskaya, N.V. (2012) Nekotorye problemnye voprosy otsenki dokazatel'stv sudom [Some problematic issues of evaluation of evidence by the court]. *Mirovoy sud'ya – Magistrate Judge*. 11. pp. 13-22; 12. pp. 26-32.
3. Galyashin, N.V. (2015) Problems of legal regulation and evaluation of derivative evidence in the prospect of introduction into the criminal procedure of the institute of establishment of objective truth. *Advokatskaya praktika – Advocate's Practice*. 1. pp. 30-33. (In Russian).
4. Trubnikova, T.V. (2015) Applications by Tomsk residents to the European Court of Human Rights: experience and problems. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 1 pp. 64-69. (In Russian).
5. Russian Federation. (2012) Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 21.12.2011 N 30-P “On the case on the constitutionality of the provisions of Article 90 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with a complaint of citizens V.D. Vlasenko and E.A. Vlasenko”. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2. Art. 398. (In Russian).
6. Russian Federation. (2014) The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments made by the RF Laws on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 N 6-FKZ, of 30.12.2008 N 7-FKZ, of 05.02.2014 N 2-FKZ, of 21.07.2014 N 11-FKZ). *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 31. Art. 4398. (In Russian).
7. Konsul'tant Plyus. (1992) *Additional Protocol to the Geneva Conventions of 12 August 1949, Relating to the Protection of Victims of Non-International Armed Conflicts (Protocol II)* (Geneva, June 8, 1977). Moscow: AO Konsul'tant plyus. (In Russian).
8. Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov. (2001) The Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (signed in Rome 04.11.1950) (amended on 13.05.2004) (together with Protocol [N 1]” (signed in Paris on 20.03.1952), Protocol N 4 securing certain rights and freedoms other than those already included in the Convention and its first Protocol (signed in Strasbourg on 16.09.1963), Protocol N 7 (signed in Strasbourg on 22.11. 1984)). *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*. 3. (In Russian).